

Национальность и раса с точки зрения антрополога. Лекция Роберта Бойля, прочитанная перед младшим научным клубом Оксфордского университета 17 ноября 1919 года

Сэр Артур Кит

Nationality and Race from an
Anthropologist's Point of View

Sir Arthur Keith

The Project Gutenberg eBook of Nationality and Race from an Anthropologist's Point of View.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в США и большинстве других стран мира бесплатно и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях лицензии Project Gutenberg License, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Национальность и раса с точки зрения антрополога

Автор: Сэр Артур Кит

Дата выхода: 23 февраля 2010 [eBook #31369]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Мартином Петтитом и командой Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK NATIONALITY AND RACE FROM ANTHROPOLOGIST'S POINT OF VIEW ***

Национальность и раса

С точки зрения антрополога

*ЛЕКЦИЯ РОБЕРТА БОЙЛЯ, ПРОЧИТАННАЯ ПЕРЕД МЛАДШИМ НАУЧНЫМ КЛУБОМ
ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 17 ноября 1919 года АРТУРОМ КИТОМ, доктором медицины,
доктором права, членом Королевского общества.*

ХАМФРИ МИЛФОРД

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЛОНДОН ЭДИНБУРГ ГЛАЗГО НЬЮ-ЙОРК
ТОРОНТО МЕЛЬБУРН КЕЙП-ТАУН БОМБЕЙ
1919

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И РАСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНТРОПОЛОГА

Национальность и раса во времена Бойля

Именно при жизни Роберта Бойля наши предки начали тесно контактировать с расами и народностями внешнего мира. Когда он родился в графстве Корк в 1627 году, небольшие и изолированные группы англичан оттесняли краснокожих индейцев от восточного морского побережья Северной Америки; до своей смерти в Лондоне в 1691 году, в возрасте шестидесяти четырех лет, он видел, как эти группы первопроходцев объединились в британский край, простиравшийся почти без перерыва от Ньюфаундленда до Флориды. Ни он, ни кто-либо другой в Англии не мог тогда предположить, что менее чем через два столетия узкая полоса колонистов распространится от берега до берега, покрыв тем самым континент новым народом. Именно в его время английские купцы и моряки ближе познакомились с народами Индии, Дальнего Востока, а также с приморскими аборигенами Африки и Южной Америки. Достаточно обратиться к шести великолепным томам, в которых хранятся его эксперименты, наблюдения и записи, чтобы понять, как он смотрел на мир, который открывался перед его глазами. В небольшом документе, составленном за некоторое время до смерти, он дает самые подробные указания, которыми должны руководствоваться мореплаватели при составлении отчетов о вновь открытых землях. Его указания касаются всех мыслимых свойств и аспектов новой страны - ее географии, минеральных богатств, природных продуктов, климата - всего, кроме ее жителей. Как и многие англичане его времени, Бойль считал, что его долг перед коренными народами начинается и заканчивается, когда он убедится, что они снабжены экземплярами Библии. Для него и для большинства его современников, похоже, не существовало расовых проблем; они не считали встречу и смешение различных рас или народов разных национальностей вопросами, заслуживающими изучения и объяснения. Бойль был свидетелем самых острых фаз "плантации" Ирландии, но вопросы, которые он задавал этой стране, сводились к следующему: "Как получилось, что в ее пределах нет лягушек, жаб, змей, кротов, соловьев и редко сороки"; он также интересовался истинной природой "различных вещей, которые ирландцы глупо сообщают о Святом Патрике" - особенно о "птицах, превращенных в камни для щебетания, когда Святой Патрик проповедовал". Конечно, во времена Бойля существовали расовые и национальные проблемы, но тогда они еще не представляли перед трибуналом общественного мнения как вопросы, требующие исследования и решения.

Раса и национальность в последние годы

Мы не должны винить государственных деятелей и писателей времен Бойля за неспособность признать внутреннее значение национальных и расовых проявлений в той же мере, в какой мы осуждаем современных ему врачей за неспособность выделить из общей массы заболеваний такие известные современным медикам состояния, как аппендицит и брюшной тиф. Во времена

Бойля тиф и аппендицит существовали, как и национальные волнения и расовые антипатии, но их природа и значение оставались нераспознанными. Только после того, как Англия с помощью армий колонистов осадила земли, населенные туземными расами, или стала управлять судьбами великих тропических империй с помощью горстки государственных служащих, она поняла, что расовый контакт порождает живые и жгучие антагонизмы. Национальные проблемы не являются чем-то новым для Англии; они всегда преследовали ее государственных деятелей. Во времена Бойля народ мог заявить о своем национальном духе, лишь прибегнув к грубой силе. В наше время есть другие средства; народ мобилизует свой национальный дух с помощью ежедневной прессы; распространение национальной пропаганды стало тонким искусством; современные государственные деятели поняли, что национальные чувства, правильно направленные, имеют силу лавины. Проблемы расы и национальности, таким образом, отнюдь не новы, но в своей современной форме они являются новыми. Дальние рубежи Британской империи и мобилизация народного духа с помощью прессы и пропаганды заставили наших государственных деятелей, историков, публицистов, психологов и антропологов заново изучить природу сил, лежащих в основе расовых движений и национальных агитаций. Важность правильного понимания природы этих сил для будущего поддержания и развития Британской империи не подлежит сомнению. В управлении ее судьбами оксфордцы в будущем, как и в прошлом, будут играть ведущую роль, и во многом их успех будет зависеть от того, насколько они поймут природу тех внутренних сил, которые объединяют человечество в расы и нации. Именно по этой причине я сделал проблемы расы и национальности темой этой лекции, посвященной памяти Роберта Бойля.

Унаследованные инстинкты и современные идеалы не в гармонии

В последние годы едва ли можно открыть газету, чтобы не увидеть заголовки, рассказывающие о расовых распрях или международных конфликтах. В один день мы читаем о расовых волнениях, в другой - узнаем, что жители определенного участка земли требуют отделения от всех окружающих народов. В процессе "самоопределения" они требуют, чтобы их признали отдельным народом или нацией. Эти расовые и национальные противоречия не ограничиваются каким-либо конкретным народом или землей; мы находим их в каждой стране. Политик слишком близок к этим расовым и национальным проявлениям современного мира, чтобы увидеть их в правильном свете; даже историк не настолько далек от них, чтобы увидеть их в правильной перспективе. Вы не сможете изучить тайные источники, из которых они проистекают, если не постигнете необъятность ненаписанной истории человечества. Позвольте мне пояснить мой смысл на историческом примере, взятом из тела человека. Среди современного населения нет более распространенных болезней, чем те, которые возникают из-за нарушения работы толстого кишечника. Почему эта часть нашего телесного механизма должна подводить нас в современных условиях питания, становится совершенно очевидным, когда мы изучаем историю далекого прошлого человека. Для антрополога есть только две хорошо заметные фазы в истории человечества. Первая - это фаза естественного существования - бесконечно длинная и монотонная глава, растянувшаяся на миллион лет и более. Вторая - фаза искусственного существования - короткая глава, охватывающая период в 10 000 или 12 000 лет, но переполненная событиями, которые имеют критическое влияние на наше настоящее и будущее благополучие. На первом, или длительном, этапе человечество было разбито на мелкие и разрозненные группы, которые добывали себе пропитание, как

могли, из скудных, неопределенных и грубых продуктов природы - берегов и ручьев, болот и лесов. На втором, или коротком, этапе человек покорил природу; с помощью культивации и одомашнивания он добился от почвы надежного и обильного питания, что сделало возможным существование современных массовых популяций. Теперь механизмы человеческого тела и инстинктивное оснащение его мозга, которые были созданы для того, чтобы отвечать условиям жизни, представленным в первой длинной фазе его истории, должны были также служить ему, когда он вступил в новые условия короткой или современной фазы. Поэтому мы не должны удивляться тому, что часть его древней экипировки плохо приспособлена к современным условиям жизни. Великий кишечник человека, включающий в себя кишку, аппендикс и толстую кишку, который хорошо отвечал его потребностям, когда его рацион был грубым и неприготовленным, плохо приспособлен для работы с искусственно приготовленной и высококонцентрированной пищей. Школа, которая была во главе с покойным профессором Metchnikoff, даже заходит так далеко, чтобы утверждать, что человек будет улучшен путем полного удаления его большой кишки - доктрина, с которой я полностью не согласен. Мы все прекрасно понимаем, что между древними механизмами наших тел и современными условиями, в которых мы живем, нет гармонии, но только сейчас мы начинаем понимать, что то, что верно в отношении наших тел, верно и в отношении нашего разума. На той огромной первой фазе нашей истории был разработан сложный психический механизм для объединения небольших групп человечества в социальные единицы. Это подсознательное или инстинктивное психическое оснащение, как мы увидим, является частью механизма, который Природа использовала в эволюции рас человечества. Ментальные адаптации, которые современный человек унаследовал от необъятного прошлого, мы можем кратко описать как часть племенного механизма Природы. Тезис, который я предлагаю вам изложить, заключается в том, что в наших современных расовых расприх и национальных волнениях мы видим, как унаследованные племенные инстинкты человека воюют с современными условиями его жизни. Мы разрушили или пытаемся разрушить древний племенной механизм природы и в настоящее время стремимся заменить его другими конструкциями, разработанными в умах современных государственных деятелей и политиков. Мы, современные люди, похожи на горных овец, выведенных на огороженные поля, со всеми нашими блуждающими инстинктами, все еще привитыми к нашей первоначальной природе. Как и у них, наши инстинкты воюют с окружающей средой. Самое естественное в мире, что мы должны винить барьеры, установленные вокруг нас, потому что мы едва ли осознаем наследственные предрасположенности, которыми природа окружает свои племенные поля. Мы не можем понять природу наших современных расовых и национальных проблем, пока не осознаем, что в наши дни мы пытаемся построить новый мир из обломков старого.

Расовые и национальные проблемы в Соединенных Штатах Америки

Изложив таким образом общие принципы, по которым я предлагаю рассматривать проблемы, связанные с расой и национальностью, я предлагаю теперь совершить молниеносное путешествие по миру и по ходу дела собрать примеры, которые проиллюстрируют те трения, которые возникают там, где расы или национальности вступают в тесный контакт. Как я уже говорил, каждая страна может дать нам материал для исследования, но ни одна из них не имеет такого обширного экспериментального масштаба, как Соединенные Штаты Северной Америки; поэтому мы начнем наше спешное исследование с этой страны. В пределах Штатов проживает 110 миллионов человек. При внимательном рассмотрении мы видим, что более десяти

миллионов этих жителей отделены от остальных границей, цветовой линией, столь же четко определенной и ревностно охраняемой, как границы королевства. Через эту расовую границу запрещено любое законное социальное движение, и хранителями границы являются те, кто стоит по белую сторону линии. Любая попытка пересечь эту расовую границу приводит к войне толпы. Пока эти десять миллионов сегрегированных граждан остаются внутри своего расового забора, они видят, как миллионы людей прибывают из Европы и свободно проходят через национальные и социальные ворота, которые для них закрыты. В течение жизни одного поколения они видят, как эти новоприбывшие, мужчины, женщины и дети, родившиеся и выросшие среди разнообразных национальностей Европы, заметно отличающиеся по внешнему виду и речи от первоначального колониального населения, постепенно избавляются от своего чуждого мировоззрения и постепенно включаются в новую национальную массу. Таким образом, в Штатах мы видим, как работает механизм, который сохраняет расовые границы, но разрушает все национальные барьеры. Природу этого механизма мы должны будем рассмотреть позже, а пока я кратко обозначу существенную разницу между расовыми и национальными границами. Брак через расовую границу приводит к появлению потомства, настолько отличающегося от обеих родительских рас, что его нельзя естественным образом отнести ни к одной, ни к другой. Брак через национальную границу приводит к появлению потомства, которое может выдавать себя за представителя любой из родительских национальностей. Более того, как я попытаюсь доказать позже, национальность - это начальная стадия процесса, который ведет к расовой дифференциации.

Проблемы Канады

Когда мы пересекаем линию, отделяющую Соединенные Штаты от Канады, мы обнаруживаем, что работает национальный механизм, который превращает иммигрантов чужой национальности в лояльных канадцев. Однако в Канаде наше внимание привлекает пример, иллюстрирующий стойкость и мощь силы, которая увековечивает национальный дух. Предки франко-канадцев начали селиться в провинции Квебек в начале семнадцатого века, за 150 лет до того, как англичане заложили канадскую национальную мельницу. Французские поселенцы так и не прошли через эту мельницу. В большинстве своем они прибыли с северо-запада Франции, и хотя говорили на другом языке, принимали другую религию и следовали другим обычаям, по расовому признаку они не отличались от английских основателей Канады. И все же потомки этих первых французских поселенцев, насчитывающие сегодня более полутора миллионов человек и уже более полутора веков составляющие лишь маленький остров посреди англоязычного океана, сохранили чувство обособленности - свои национальные границы - нетронутыми. О расовой границе здесь пока речи не идет, но если бы эта национальная изоляция франко-канадцев стала постоянной, то со временем на их территории возникла бы расовая дифференциация.

Когда мы повернемся лицом на запад и пересечем Скалистые горы, то обнаружим, что умы белых жителей на всем протяжении Тихоокеанского побережья заняты расовой проблемой. Они возвели расовый барьер, чтобы отгородиться от коренных народов Азии. Уроженцы Индии исключены так же строго, как китаец или японец. Их исключают не из-за их речи или цивилизации, а потому что жители Соединенных Штатов и Канады испытывают определенное чувство различия - назовите это расовыми предрассудками, расовой антипатией или как вам

угодно. Это сознательное или подсознательное состояние чувства, которое восстает против расового слияния.

Расовые проблемы Испанской Америки

Когда мы переходим из Соединенных Штатов в Мексику, мы пересекаем пограничную линию, которая разделяет два самых грандиозных эксперимента по разведению людей, которые когда-либо видел мир. К северу от этого экспериментального Рубикона, как мы только что видели, базовое поголовье, северо-западное европейское или нордическое по происхождению, управлялось чувством расовой касты и, следовательно, сохранило свои расовые признаки. Но к югу от нашего Рубикона результат расового контакта был совершенно иным. Юго-западноевропейское или иберийское население разрушило естественный барьер, который природа установила между ними и коренными жителями Мексики и Южной Америки, и разрешило их расовые антагонизмы путем слияния крови. Результаты этих двух экспериментов, проведенных в таких огромных масштабах, мы можем наблюдать уже сегодня. Северный эксперимент, которому уже три столетия, дал миру два самых мужественных народа, которым суждено занять свое место независимо от того, станет ли человечество огромной, мирной и однородной грядкой или останется, как сейчас, раздробленным на национальные и расовые фракции. Эти северные народы столь же эффективны, по крайней мере в том, что касается их шансов на выживание, как и первоначальный нордический фонд. Южный эксперимент, начавшийся четыре века назад, дал миру звенящую череду малых народов, ни один из которых ни телом, ни умом не уступает первопроходцам-иберийцам. С точки зрения антрополога северный эксперимент является успешным.

Мы рассмотрели национальные и расовые проблемы американского континента, и теперь нам следует перейти к рассмотрению формы, в которой они представлены в Австралии. Однако прежде чем перейти к рассмотрению этих проблем, нам необходимо рассмотреть один очень важный аспект южного или иберийского эксперимента, поскольку он проливает свет на путь, по которому я хочу вас провести. Почему расовый барьер между иберийцами и индейцами был разрушен? Потому ли, что иберийцы не обладали чувством расовой касты, которое, как мы видели, доминировало в нордических колонистах, и не находились под его влиянием? Я считаю, что расовая каста или расовые предрассудки были и остаются более мощной силой в нордических народах, чем в иберийских. Иберийцы - ближайшие соседи африканских рас; по телосложению они отличаются от африканских в несколько меньшей степени, чем нордические, которые представляют собой высшую точку в физической специализации всех европейских народов. Если бы иберийский первопроходец привез с собой в Америку меньшую степень расовой кастовости, процесс гибридизации начался бы легче. Однако великие северный и южный эксперименты отличались еще одним важным обстоятельством. Нордики столкнулись с рассеянной, кочевой, гордой расой; иберийцы - с оседлым народом, живущим плотными общинами. Таким образом, иберийцы оказались в условиях, в которых расовый барьер было сложнее сохранить.

Борьба между расовыми и половыми импульсами

Но ни одно из этих двух обстоятельств - ни менее развитое чувство расы-касты у иберов, ни массовое скопление южных индейцев в оседлых общинах - не объясняет исчезновения расовой границы. Истинное объяснение кроется в том, что природа привила человеческому разуму

инстинктивные импульсы, которые гораздо сильнее тех, что обозначаются как расовые предрассудки. Природа потратила самые кропотливые усилия, чтобы создать в человеческой организации механизм, обеспечивающий, прежде всего, продолжение рода. Инстинкт размножения - самый сильный из инстинктивных импульсов, которыми наделено человечество. Он доминирует и побеждает расовый инстинкт во всех случаях, кроме одного. Сексуальный импульс - это аккумулятор, который разрушает расовые барьеры. Расовый инстинкт становится хозяином сексуального импульса только тогда, когда чистая раса утвердилась в новой стране как полноценное и растущее сообщество. Сексуальные импульсы - это задатки отдельных мужчин и женщин; они доминируют и проявляются у отдельных людей, в то время как расовые антипатии - это проявления не индивида, а массы. Расовый инстинкт вступает в силу только тогда, когда мужчины, женщины и дети одной и той же породы объединяются в сообщества. Пока такое сообщество не организовано, половой инстинкт свободно перемещается через расовые барьеры; как только оно организовано, расовый инстинкт побеждает или сдерживает гибридизацию. Именно правильное понимание условий, в которых работают человеческие инстинкты, дает нам истинный ключ к гибридизации испанца и американского индейца. Пиренейские первопроходцы подвергали себя расовым контактам в Мексике и Перу в условиях, которые неизбежно должны были дать их половым импульсам победу над расовым инстинктом. Никакой *"Мэйфлауэр"* не достиг испанских берегов Америки; только группы авантюристов, которые не основали независимых поселений, похожих на дома, чтобы сформировать колыбель расового чувства. Половой инстинкт остался доминирующим, и с его помощью были разрушены расовые барьеры к югу от мексиканского рубикона. К северу от этого Рубикона американский континент был колонизирован; к югу от него была не колонизация, а плантация. С точки зрения антрополога, как мы заметим далее, колонизация и плантация - совершенно разные процессы.

Расовые проблемы в Австралии и Новой Зеландии

Когда мы пересекаем Тихий океан и попадаем в Австралию, то видим, что там действуют те же расовые и национальные факторы, что и в саксонской Америке. Всего чуть больше века понадобилось британцам или нордикам, которых сейчас насчитывается пять миллионов, чтобы утвердиться в качестве оккупантов и хозяев огромного континента. Австралийцам пришлось столкнуться как с национальными, так и с расовыми проблемами. Континент колонизировался из отдельных центров, и у каждой колонии была тенденция изолироваться от своих соседей и вырасти в отдельное государство или национальность. Эти отдельные государства или зарождающиеся национальности были объединены в начале нынешнего века благодаря государственному искусству, которое сделало берега нового континента границами национального содружества. Британские общины в Австралии воспитали и проявили обычное саксонское чувство расовой дискриминации; почти с самого начала они провели расовую границу между собой и местными чернокожими, и эта граница соблюдалась так строго, что в жилах новой национальности не осталось и следа исчезающей крови аборигенов. 50 000 человек, оставшихся в живых из числа исконных хозяев континента, сегодня представляют собой скорее филантропическую, чем расовую проблему. Но в отношении миллионов коренных жителей, населяющих страны, омываемые Индийским и Китайским морями, дело обстоит иначе. Моря - это магистраль, по которым современные народы распространяются и захватывают доступные земли. Поэтому вокруг своих берегов австралийцы возвели расовый

барьер, допускающий въезд народов европейского происхождения, но исключаящий всех остальных.

Изучающий расовые и национальные проблемы не может позволить себе обойти вниманием Новую Зеландию. На этих двух островах английские, шотландские, ирландские и валлийские иммигранты в течение последних восьмидесяти лет создали новую нацию, насчитывающую сегодня более миллиона человек. То тут, то там на островах наблюдалась тенденция к тому, что иммигранты группировались по унаследованной ими национальности, но такие отдельные группы, как правило, исчезали по мере того, как новый национальный дух становился доминирующим. Здесь мы видим проявление закона, с которым хорошо знакомы пастухи. Стадо скота, занимающее одно поле в течение некоторого времени, будет сопротивляться вторжению второго или чужого стада; но стоит вывести оба стада вместе на незнакомое пастбище, и взаимная антипатия почти сразу же прекращается. Прибытие на новую землю иммигрантов из разных стран разрушает национальные барьеры, в которых они родились и выросли. Национальный дух может быть истинным только на родной почве; при пересадке на новую землю он становится пластичным и податливым. Новая страна растворяет древние национальности; ни одна страна не иллюстрирует эту истину более наглядно, чем Новая Зеландия.

Отношения, существующие между новой национальностью Новой Зеландии и древними хозяевами страны - маори, которых сейчас насчитывается около 50 000 человек, - уникальны. Физические различия, разделяющие британский и маорийский типы, настолько велики, что не может быть и речи о различии их расовых принадлежностей. В предыдущих случаях мы видели, что именно саксы проводили и охраняли расовую границу; но в Новой Зеландии каждый из противоборствующих человеческих родов провел свою расовую линию, и каждый относится к разграничению другого с уважением. Такое уважение стало возможным благодаря тому, что территориальные границы Маориленда были четко определены. Таким образом, мудрая государственная мудрость сохраняет расовые проблемы в Новой Зеландии в латентном состоянии.

Национальные и расовые проблемы в Южной Африке

Если мы теперь перейдем к Южной Африке, то обнаружим проблемы расы и национальности в более острой и запутанной форме, чем где-либо еще в мире. Задолго до того, как португальцы в конце XVI века повернули к мысу Доброй Надежды, эта земля была занята путаницей враждующих племенных народов, принадлежащих, по крайней мере, к трем хорошо дифференцированным человеческим группам. Народы банту продвигались на юг, вытесняя и истребляя племена хоттентотов, которые в то же время оказывали постоянное давление на народ буша. В настоящее время на этой огромной территории, общая площадь которой почти в двадцать раз превышает площадь Англии, проживает около шести с четвертью миллионов человек, причем пять миллионов являются потомками исконных туземных племен с небольшой примесью азиатских элементов. Хозяева и владельцы этой территории, которых насчитывается немногим более миллиона, принадлежат к нордическому или северо-западноевропейскому типу. Примерно половина доминирующего населения черпала свой первоначальный руководящий дух в Голландии, другая половина перенесла на новую родину национальный дух Англии. Эти две национальности, происходящие от одной и той же североморской породы, уже более века живут вместе в Южной Африке, и все же чувство различия в национальности

сохраняется, даже перед лицом опасностей, которые угрожают обеим. Таким образом, Южная Африка испытывает острые трения, возникающие из-за натирания одной национальности другой. У нее есть и свои расовые проблемы, и чем пристальнее они изучаются, тем больше возрастает их потенциальная опасность. Бур и британец могут различаться по речи, привычкам и мировоззрению, но оба согласны с тем, что между ними и коренными жителями Африки и Азии существует непроходимая граница. Они даже не маскируют возведенную ими расовую баррикаду, а намеренно выставляют ее на всеобщее обозрение, чтобы никто не мог ее не заметить. Темные туземцы поддерживают свои племенные и расовые границы с помощью унаследованных организаций, но наблюдение за социальным барьером между ними и белыми лежит на доминирующей расе. Только те, кто непосредственно соприкасался с расовыми антагонизмами, знают, как глубоко они заложены в примитивной организации человеческого мозга. Позвольте мне привести лишь одного свидетеля по этому вопросу - того, кто охотно поверил бы, если бы мог, что расовые антагонизмы являются как поверхностными, так и приобретенными. "То, что в расовом сознании белых и цветных народов существует вполне реальная проблема, очевидно, иногда болезненно очевидно, иногда опасно. Не стоит недооценивать ее глубокую природу и серьезность вопросов". Это цитата из президентской речи доктора В. Флинта на последнем собрании (1919 г.) Южноафриканской ассоциации содействия развитию науки. Смешение рас в Южной Африке пробудило к деятельности инстинкты или подсознательные состояния, которые дремлют в представителях однородного населения. Национальные и расовые границы, как мы увидим, являются частью эволюционного механизма природы. А пока мы лишь отметим, что современные индустриальные идеалы вступают в противоречие с работой инстинктивных механизмов природы, и в Южной Африке эти два явления находятся в фактическом столкновении.

Некоторые национальные и расовые проблемы Европы

Когда мы движемся на север вдоль африканского континента, над кишашими племенами, нам достаточно отметить крик о национальном признании, который доносится до нас из нижней долины Нила. Потомки древних египтян, смешанные с конгломератом расовых групп из Африки, Азии и Европы, ратуют за "национальную" независимость и изоляцию. Мы слишком далеко зашли бы, чтобы рассматривать национальные и расовые проблемы 300 миллионов различных народов Индии, которые связаны между собой только одними узами - правительством, предоставленным им Британской империей. Мы также не станем рассуждать о том, какие национальности возникнут на обломках Турции, Австрии или России, и не будем рассматривать балканскую мешанину национальностей. Мы просто отметим, что инстинкты или чувства, заставляющие людей с похожей речью, привычками и традициями объединяться в независимые национальные единицы, наиболее активны и сильны там, где расовые или национальные границы наиболее запутаны.

Являются ли евреи отдельной расой?

В том строгом смысле, в котором антрополог использует термин "раса", в Европе нет расовой проблемы. Наши универсальные проблемы - это проблемы национальности. В Европе нет двух национальностей, настолько отличающихся друг от друга по внешнему виду, что их гибридное потомство не может считаться представителем одной из родительских национальностей. В понимании антрополога не существует расовых ублюдков, порожденных объединением европейских национальностей. Если исключить саамов и другие монгольские элементы в

России, то в Европе есть только один народ, имеющий законное право считаться расово отличным от общего населения. Это исключение - еврейский народ. Их семь миллионов, образующих архипелаг в море европейских народов, главные острова которого лежат в центре континента, к северу и югу от Карпат. Евреи поддерживают расовую границу, подобную той, которой окружают себя доминирующие расы; они ведут себя как расово самостоятельные. Их исходный фонд явно восточного происхождения; народы Европы произошли из другого расового источника. Островки еврейского расового архипелага подвержены перекрестным течениям языческих морей. Маленькие островки находятся слишком далеко, чтобы их могло укрыть и укрепить расовое чувство, которое взращивается и выкармливается везде, где есть постоянные еврейские поселения. Как бы ни была укреплена еврейская расовая граница верой, которая является стандартом расы, набеги совершались, совершаются и сейчас, через эту границу, и произошла определенная степень гибридизации. Даже оказавшись в волнующемся море современной цивилизации, расовый дух евреев сохранил большую часть оригинальных черт, принесенных в Европу первопроходцами-семитами. В 90 процентах евреев физические или семитские черты характера очевидны даже для непосвященного язычника. В еврейском народе мы видим, как природа направляет один из своих грузов дифференцированного человечества между Сциллой и Харибдой современного моря индустриальной цивилизации. И расовый инстинкт - ее рулевой.

Национальные движения бывают двух видов

Процессы национализации в Европе носят двоякий характер: с одной стороны, мы видим, как мелкие национальности объединяются в более крупные единицы, с другой - как крупные национальности распадаются. Мы видим, как происходит слияние и как происходит разрушение. Каков же метод природы? Все великие национальности Европы были созданы путем слияния - Италия, Испания, Франция, Великобритания и Германия. Поскольку последняя из названных стран - самый недавний и наиболее ярко выраженный случай слияния, мы можем взглянуть на средства, с помощью которых оно было достигнуто. Национальности и отдельные государства, которые были объединены в Германскую империю, произошли, по крайней мере, от трех видов, каждый из которых демонстрирует хорошо дифференцированные физические характеристики. Эти группы людей были объединены общим языком. Войнами и завоеваниями империя окружила себя - изолировала - кольцом врагов. Немцы вынесли свои границы за пределы речи и вознамерились сделать датчан, французов и поляков членами своей национальности. Они стремились укрепить свои национальные границы тарифными баррикадами. Они связывали себя воедино умножением средств быстрого передвижения и способствовали росту национального или племенного духа активной, настойчивой и широко распространенной племенной пропагандой. Племенной дух, который является врожденным свойством каждого народа, был разбужен до такой степени, что в условиях военного кризиса национальные или племенные узы не ослабли; шестьдесят миллионов человек вели себя так, как будто они были членами клана горцев. Даже поражение, если и ослабило, то не разорвало национальные узы, которые были скреплены правящими классами Германии.

Во всех этих процессах национального слияния, как и в образовании всех трестов в современном коммерческом мире, антрополог замечает, что действие начинается сверху и идет вниз через народную массу. Правящий класс играет на племенных углях народного разума

и разжигает их. Это совершенно другой процесс, который приводит к разрушению национальности. Разрушение не имеет ничего общего с расой; чем ближе кровное родство между двумя соседними народами, тем больше вероятность того, что разрушение произойдет. Мы не можем найти лучшей иллюстрации этой истины, чем когда пересекаем Балтику из Германии в Скандинавию. Народы Норвегии и Швеции имеют одинаковый расовый состав, у них много общих интересов; союз должен был придать им силы. Однако после партнерства, которое длилось менее века, они решили отделиться. В данном случае движение пришло снизу; племенное чувство, охватившее народ Норвегии, заставило его разорвать союз. Все унаследованные от природы силы в народе стремятся к разрушению. Только когда разум встает у руля, эти естественные разрушительные силы могут быть преодолены и процесс слияния осуществлен.

Национальные проблемы Великобритании

Проведя поспешный обзор некоторых наиболее поучительных, расовых и национальных проблем за рубежом, мы возвращаемся на родину, чтобы применить полученные знания для понимания национальных проявлений наших соотечественников. Нет нужды напоминать вам, что национальный дух родной страны Роберта Бойля постоянно кипит, а часто и бурлит. В Шотландии тоже есть национальный дух, как и в Уэльсе; в обеих странах этот дух сепаратистский по своей сути, но национальные инстинктивные тенденции обузданы и направлены высшими разумными центрами мозга. В самой Англии чувство национальности обычно дремлет; только оскорбление или угроза извне пробуждают эту гигантскую силу к жизни. В Ирландии национальный чайник постоянно кипит, в Шотландии и Уэльсе - бурлит, а в Англии, напротив, тихо дремлет на конфорке. Тем не менее английская национальность - это сила, которая пронизывает все население, проживающее между Бервиком-на-Твиде и Лендс-Эндром. В течение столетий государственная мудрость сумела воспитать в сознании всех жителей Британских островов - за исключением большей части Ирландии - новое и более широкое чувство национальности, дух британской национальности. Почему нам так и не удалось воспитать этот дух во всей Ирландии, составляет основную часть наших нынешних поисков.

Являются ли кельты и саксы представителями разных расовых групп?

В самом начале нашего исследования мы сталкиваемся с древним убеждением, что Британские острова разделены расовой границей, которая отделяет западные или кельтские народы от восточных жителей саксонского происхождения. Мне посчастливилось родиться на границе кельтской окраины, и ни один человек, выросший в таких условиях, не может не осознавать, что кельтский дух - это реальная и живая сила. Является ли это расовым антагонизмом, который возникает, когда кельт и сакс находятся в конфликте? В чем физическая разница между кельтом и саксонцем? Этому вопросу я уделял внимание в течение нескольких лет, и результаты моих исследований я представлю вам вкратце, насколько это возможно. В аудитории, которая сейчас передо мной, наверняка есть чистые представители всех наших четырех национальностей; кельты и саксы, столь же чистые, как и все остальные в стране, наверняка присутствуют в любой университетской аудитории. Но за исключением речевых приемов или местных манер, самый опытный антрополог не сможет отличить кельта от сакса или ирландца от шотландца. Конечно, есть определенные физические типы, которые преобладают в одной стране больше, чем в другой, но я не знаю ни одной особенности тела, ни одной черты ума, ни

одной комбинации черт или признаков, которые позволили бы эксперту при обследовании групп студентов университета сказать, что эта группа - из Шотландии, та - из Уэльса, третья - из Ирландии, а четвертая - из Англии. В росте и окраске, в форме черепа и лица тщательно продуманные испытания выявили национальные различия лишь самого незначительного характера. Нам хорошо известны физические особенности саксонских первопроходцев, которые стали хозяевами Англии и доминировали в низменных районах Шотландии. Их могильники исследованы на все сто, но не по форме черепов и крепости костей конечностей мы знаем, что имеем дело с могилами древних саксов, а по орудиям труда, украшениям и утвари, которые были захоронены вместе с ними. Что касается формы черепа или формы костей, то я не думаю, что опытный краниолог смог бы отличить черепа и кости, найденные на древнем саксонском кладбище в Суррее, от останков из кельтской могилы в Коннемаре, настолько похожи кельтские и саксонские типы. Если бы мы одели в одинаковые одежды одну группу рыбаков с побережья Норфолка и другую с берегов Коннавта, я не думаю, что в Европе найдется антрополог, который при простом осмотре смог бы отличить ирландцев от англичан. С физической точки зрения кельты и саксы - одно целое; каков бы ни был источник их взаимного антагонизма, он не кроется в расовых различиях. Часто говорят, что мы, англичане, представляем собой смешанную и беспородную коллекцию типов и пород; правда же заключается в том, что в отношении физического типа жители Британских островов наиболее однородны среди всех крупных народностей Европы.

Все британцы происходят от североморских народов.

Только что сделанное мною заявление о том, что британцы - действительно однородный народ, кажется совершенно противоречащим историческому учению. То, что я сейчас скажу, объяснит расхождение, которое, по сути, является лишь поверхностным. Наша письменная история начинается с римского вторжения и оккупации Британии; это была "оккупация" или "плантация", а не настоящая колонизация. С другой стороны, саксонское и датское вторжения закончились широким распространением и настоящей колонизацией Британии. Нормандское вторжение, с другой стороны, носило характер плантации. Разница между различными формами вторжения станет очевидной позже. В разные времена также были стаи беженцев-иммигрантов. У нас есть самые достоверные свидетельства того, что задолго до появления письменной истории в Британии происходили процессы вторжения и колонизации. Во всех этих вторжениях, исторических и доисторических, за одним важным исключением, на Британских островах не появилось ни одной чужой или новой расы; все они, очевидно, были ответвлениями человеческой расы, которая до сих пор населяет северо-запад Европы - люди нордического типа, или, как я предпочитаю их называть, североморская порода. Мы только сейчас начинаем понимать, что даже на заре нынешнего периода - периода, отмеченного отступлением ледяного покрова из Балтийского бассейна, - берег моря и само море были теми дорогами, по которым мигрировали и распространялись первобытные народы. Это были люди одного человеческого типа, которые расселились по берегам Средиземноморья и заняли его прибрежные земли. Распространение средиземноморской породы определялось границами их моря. По-видимому, берега Северного моря были заселены аналогичным образом. Мы располагаем лишь скудными останками из куч перегноя вдоль его древних берегов, чтобы рассказать нам о том, какими были эти ранние поселенцы, но, насколько можно судить, они подтверждают предположение, что нордический тип уже владел северо-западом Европы до рассвета неолита. Распространение нордического типа вдоль берегов Северного, Балтийского и Британского морей можно

объяснить только предположением о существовании примитивного и древнего североморского населения, состоящего из людей нордического типа. Самые ранние пещерные обитатели Англии принадлежали именно к этому типу. Именно этот североморский народ дал Британии не только ее первоначальное население, но и череду колонистов. Несомненно, в Британию вторгались и выходцы Средиземноморья, но достаточно сравнить образец нашего современного населения с образцом, взятым из средиземноморского народа, чтобы понять, насколько мало на нашу кровь повлияла южная смесь. Во всех этих вторжениях и колонизациях есть только одно, которое не было заимствовано из североморской группы. Это вторжение произошло во втором тысячелетии до нашей эры, когда круглоголовые из Центральной Европы прорвались через северный пояс, достигли берегов Северного моря и вторглись в Британию в масштабах, которые никогда не были равны ни до, ни после, за исключением саксонских времен. Это нашествие круглоголовых сначала обрушилось на Англию и Шотландию, но Уэльс и особенно Ирландия со временем получили полную долю прибывших. За этим единственным исключением все захватчики и поселенцы Британских островов были волнами, происходящими из одного и того же плодородного источника - североморской породы. Таким образом, мы видим, почему между кельтами и саксами не должно быть большой физической разницы. Один из них был более ранней волной, другой - гораздо более поздней волной той же самой породы. Но каждая волна принесла с собой свой собственный способ речи и свой собственный племенной дух. Из всех жителей Британских островов ирландцы могут считаться самыми чистыми представителями североморской или нордической группы.

Колонизация бывает спонтанной и принудительной

Отказ ирландцев слить свое чувство национальности с общим британским целым нельзя объяснить различиями в крови или расе. Мы приблизимся к сути проблемы, если сможем выяснить, почему жители северо-востока Ирландии, особенно графств Антрим и Даун, в отличие от остальной Ирландии, разделяют общий британский дух. Действительно, еще в древности между олстерменцами и западными шотландцами существовала общность чувств. Даже во времена неолита их культуры демонстрируют свободное взаимодействие. До того, как в XVII веке Ирландия была заселена равнинными жителями, Ольстер часто посещали группы горных шотландцев. Ни одно из этих обстоятельств не объясняет юнионистский дух Ольстера. Дух северо-восточного Ольстера также не является следствием британской примеси. Внимательное изучение всех имеющихся данных, касающихся плантации Ирландии в 1560-1660 годах, покажет, что в Лейнстер и Мюнстер была влита еще большая доля британской крови, чем в Ольстер. К концу периода плантации, вероятно, в жилах каждого третьего ирландца в провинциях Лейнстер и Мюнстер текла кровь британских колонистов. В этом подсчете не учитываются люди, которые высадились и поселились в Ирландии за пять веков, предшествовавших 1560 году, - датчане, норманны, валлийцы и англичане. Не количество британских колонистов сделало северо-восточный Ольстер сепаратистским по духу, насколько это касается остальной Ирландии, и юнионистским, насколько это касается Великобритании. Северо-восточный регион Ирландии был единственной частью, которая была по-настоящему колонизирована; только настоящая или спонтанная колонизация может перенести племенной или национальный дух на новую землю.

Для антрополога истинная или спонтанная колонизация - это совершенно иной процесс, нежели ложная или насильственная. В то самое время, когда английское правительство селило или высаживало колонистов на ирландской земле и среди ирландцев, среди народов

Северного моря начался стихийный исход. Этот исход - народное движение - создал саксонскую окраину вдоль восточного морского побережья Северной Америки. Исход, начавшийся в семнадцатом веке, продолжался до настоящего времени - три полных столетия. Питаясь таким образом, бахрома расширялась, пока не достигла берегов Тихого океана. Первоначальная окраина представляла собой настоящее племенное поселение; внутри общин первопроходцев росло сознание национальности и расового антагонизма, которое мы уже отмечаем у саксонских народов Северной Америки. Откол - естественный процесс дезинтеграции, представленный Войной за независимость, - обычно объясняется как результат плохого управления. Споры между британским правительством и колонистами, безусловно, были обстоятельствами, определившими разрыв, но силами, побудившими колонистов к действию, были те подсознательные импульсы, которые природа заложила глубоко в человеческий разум как часть ее эволюционного механизма.

Саксонское заселение Британии

Колонизация Северной Америки, происходившая в полном свете истории, дает нам возможность понять саксонскую колонизацию Англии, которая до сих пор остается неясной в сумерках наших письменных источников. В обоих случаях мы имеем дело со спонтанным или народным движением. Одно из них происходило через широкую Атлантику, другое - через почти не имеющее выхода к морю море. Оба начались с образования края настоящего поселения, где росли и укреплялись унаследованные племенные традиции и организации; в обоих случаях первоначальный край подпитывался потоком иммигрантов, продолжавшимся в течение нескольких столетий. Главное различие между двумя движениями заключается в следующем: американские колонисты столкнулись с народом, который был настолько физически не похож на них самих, что создал расовую границу, в то время как саксонцы проложили себе путь в землю, населенную людьми их собственного происхождения. Потомство захваченного в плен британского туземца можно было воспитать так, чтобы оно стало настоящим саксонцем. Саксонская колонизация, распространяясь по земле, поглощала - если не истребляла - туземцев и их племенные организации в их сельскохозяйственных деревенских общинах. Саксонское поселение в Англии держалось и процветало, потому что это была настоящая колонизация.

Плантация и колонизация Ирландии

В Ирландии у нас есть возможность сравнить результаты искусственного или принудительного заселения с результатами естественной или спонтанной колонизации. Елизавета, Джеймс и Кромвель поселили своих колонистов на землях ирландских племен, тем самым подвергнув их воздействию всей силы кланового или племенного духа, который в то время одушевлял коренных жителей Ирландии. Следствием этого стало то, что потомство английских колонистов, взрослея, впитывало в себя ирландский племенной дух, а он, будучи более примитивным и более понятным, чем чувство национальности, всегда доминирует в молодом сознании. Кровь, которую английские государственные деятели XVII века лили в Ирландию, чтобы погасить ее национальное пламя, лишь подпитывала его. Иначе обстояло дело на северо-востоке Ирландии - в частности, в Дауне и Антриме. Эти графства были заселены в первые десятилетия семнадцатого века в результате процесса спонтанной колонизации. Начало этому процессу

было положено в 1606 году Хью Монтгомери, южношотландским лэрдом, купившим большой участок земли О'Нилов в графстве Даун. Он заселил эти земли своими родственниками и арендаторами - фермерской общиной. Так было положено начало колониальной окраине на северо-восточном побережье Ольстера. Эта окраина подпитывалась стихийным оттоком фермерского населения, главным образом с юга Шотландии, но поток поддерживался и с севера Англии, и из шотландских графств, расположенных далеко на севере, вплоть до Абердина и Инвернесса. Люди, стекавшиеся в Ольстер, находили, что выращивать урожай на зеленых землях Антрима легче, чем на вересковых склонах холмов Абердиншира. Здесь мы видим повторение, но в небольших масштабах, саксонской колонизации Англии. Оседлые общины, созданные шотландскими первопроходцами, приютили и выпестовали национальный дух, который они принесли с собой. По мере расширения колониистской среды она охватывала Анtrim и Даун и проникала в соседние графства, подавляя и поглощая племенную организацию коренного населения. В 1672 году сэр Уильям Петти подсчитал, что в Ольстере насчитывалось 100 000 шотландцев. Таким образом, на северо-востоке Ирландии сформировался народ, проявляющий все качества новой национальности. История может объяснить нам, как получилось, что жители Ирландии, все производные одной и той же породы европейцев, разделились на два народа, каждый из которых обладает своим особым чувством национальности. Север - преимущественно промышленный и протестантский, юг - преимущественно пасторальный и католический. Но этих обстоятельств недостаточно, чтобы объяснить национальный - почти расовый - антагонизм между жителями одного маленького острова, которые так много могут выиграть от чувства единства. Чтобы понять суть национальных антагонизмов, необходимо обратиться к тому наследству, которое современный человек принес с собой из далекого прошлого.

Природа племенного инстинкта

Теперь я перехожу к третьему этапу моей аргументации. В первой части я привел и обсудил различные формы проявления расовых и национальных чувств у разных народов за рубежом; во второй части я рассмотрел природу различных национальных движений у себя дома. Теперь мы отправляемся на поиски корня, из которого вырос цветок нашей сложной современной цивилизации. В современном мире мы видим множество народов, демонстрирующих все стадии эволюции той организации, которая позволяет человечеству жить массово. К счастью для нас, в отдаленных уголках Земли еще сохранились остатки туземных рас, сохранивших первобытную организацию, которая вела человечество через тот огромный промежуток времени, лежащий между выходом из состояния апедома и рассветом современного мира. Для изучающего социологию огромная первобытная первая стадия истории человека гораздо важнее. В своем *"Путешествии на "Бигле"* Дарвин рисует картину фуэгийцев, которая дает нам реальное представление о древнем состоянии социальной организации. Спенсер и Гиллан дают нам дополняющие друг друга картины, представляющие условия жизни туземных племен Центральной Австралии. Эти примитивные народы живут за счет естественных продуктов территории, которую они населяют и на которую претендуют как на свою собственную. Их социальная организация представляет нам условия, в которых развивались современные расы человечества. Именно в таких примитивных обществах должны были существовать механизмы, которые дифференцировали человечество на расы и расовые породы. Именно в долгой первой фазе мы должны искать истоки социальных импульсов и тенденций, которые передаются современному человеку по наследству.^[1]

Когда мы осматриваем страну, все еще находящуюся на самой примитивной стадии развития человеческого общества, первое, что нас поражает, - это то, что ее жители разделены на определенные изолированные группы. Такие группы обычно невелики, состоят из мужчин, женщин и детей, принадлежащих к нескольким тесно связанным семьям, и насчитывают две-три сотни душ. Каждая группа, образуя элементарную общину, занимает определенный участок земли и считает себя его владельцем; в них развито чувство привязанности, которое привязывает их к земле, на которой они живут. Если мы посмотрим на природу уз, которые связывают членов первобытного сообщества вместе, то увидим, что они формируются на основе подсознательных импульсов или инстинктов. Эти инстинкты составляют существенную часть механизма организации. Обычно нет главы или вождя, который определял бы действия общины; нет совещательного собрания, которое устанавливало бы правила поведения. По выражению Гальтона, члены первобытной общины образуют "разумную паутину", в которой доминируют традиционные верования и обычаи. У меня нет желания анализировать подсознательные состояния и инстинктивные реакции, которые управляют членами первобытной общины и связывают их воедино; я хочу прояснить, что племенные инстинкты обладают прежде всего изолирующим эффектом. Эти инстинкты служат не только механизмом, связывающим членов общины воедино, но и средством, отделяющим их от всех окружающих групп. Внутри сообщества этот механизм принуждает к единству чувств и действий; он служит для подавления раскола и фракций. Но племенной механизм действует только до территориальных границ общины. За этим пределом племенные инстинкты немедленно меняют свой образ действий. Племенные инстинкты окружают общину границей, через которую нет мирного движения, только грабеж и разбой, или, в лучшем случае, скрытая вражда. Племенная граница - это еще и кровный барьер; через нее племенной инстинкт запрещает любую форму мирного брачного обмена или племенного смешения. Ничто так не впечатлило Дарвина, как кольцо нейтральной территории, окружавшее первобытные фуэгийские поселения.

Племенная изоляция создает условия, необходимые для расового размножения

Племенной или родовой дух проявляется во многих формах, но во всех его разновидностях есть общий фактор - изоляция. На первый взгляд мы склонны рассматривать племенной дух как часть механизма, созданного для защиты и выживания примитивной общины, но каждый, кто искал условия, объясняющие происхождение отдельных рас человечества, убеждается, что племенной дух - важнейшая часть эволюционного механизма природы. Именно в этих изолированных колыбелях первобытного человечества Природа выкармливала и воспитывала новые расы. Когда селекционер хочет вывести новый тип животного или сохранить "спорт", его первый шаг - изолировать группу животных, с которыми он собирается экспериментировать. Изолированное поголовье становится колыбелью, в которой он надеется вывести новую породу. В таких случаях селекционер-экспериментатор копирует условия, которые царят в первобытных человеческих сообществах. В условиях современной цивилизации колыбели природы были разбиты на атомы, но племенные инстинкты, которые природа предназначила для выведения новых пород человечества, дошли до современного человека в неизменном виде. Отсюда наши нынешние национальные и расовые беды.

Условия дезинтеграции племен

Племенной дух, поддерживающий единство элементарного сообщества, эффективен лишь до тех пор, пока возможен личный контакт между его членами. Если племенное сообщество

становится разросшимся, так что взаимный контакт между его членами становится невозможным, то возникает проявление иной природы - дезинтеграция или роение. Тенденция к дезинтеграции - такая же часть эволюционного замысла природы, как и изолирующий и объединяющий эффект племенного духа. В целях размножения группу необходимо удерживать в определенных рамках. Современный человек преодолел тенденцию к дезорганизации массовых сообществ благодаря изобретению средств быстрой коммуникации. Ежедневная пресса, ежечасная почта и сеть электрических проводов могут связать сотни миллионов современных людей в разумную племенную паутину.

Происхождение расовых чувств

Небольшие изолированные сообщества - это колыбели, в которых воспитываются новые племенные породы человечества. Но как возникают новые расы? Если бы изоляция продолжалась в течение длительных промежутков времени, мы могли бы сделать справедливый вывод, что физические и умственные характеристики породы становились бы все более и более подчеркнутыми, пока не была бы достигнута стадия дифференциации, которую мы должны рассматривать как расовую. Расовый дух - это просто зрелый и консолидированный племенной дух. Проявления, которые начинаются как племенные, заканчиваются со временем превращением в расовые. Мы не можем объяснить ни дифференциацию человечества на отдельные расы, ни существование многих промежуточных форм, связывающих одну человеческую расу с другой, если не постулируем наличие в человечестве глубоко укоренившегося племенного механизма.

Трансформация племенного в национальный дух

Рассмотрев таким образом природу инстинктивного механизма, который управлял человеческими сообществами на протяжении большей части истории человечества, мы возвращаемся к вопросу: Что стало с племенными инстинктами, которые были так глубоко заложены в природу наших предков? Наши племенные предки не так уж далеки от нас. Мы все еще можем проследить распределение кланов горцев в Шотландии; племенной дух все еще силен в шотландских лесах. Ирландия была устроена по племенному принципу уже тогда, когда там поселились англо-норманны; в последующие века, вплоть до времен британских поселений, племенной дух все еще бушевал в Ирландии; даже сейчас он очень жив. Две тысячи лет назад Великобритания была племенным государством от края до края. Практически каждый из нас - потомок предков, которые сорок поколений назад в полной мере реализовывали свои племенные инстинкты. Римская оккупация сделала многое, чтобы разрушить племенную организацию Британии; саксонская колонизация сделала еще больше. Однако силами, которые скрепили племенные связи в национальную цепь, стали торговля, коммуникации и создание массового населения. Племена объединялись, образуя нации, но нет большей ошибки, чем полагать, что подсознательные племенные импульсы или инстинкты были полностью преобразованы в чувство общей национальности.

Племенные инстинкты теперь проявляются в повседневной жизни

Достаточно понаблюдать за действиями и пристрастиями наших простых людей, чтобы понять, что в современных государствах дух национальности вобрал в себя лишь часть наших племенных инстинктов. Каждый из нас с гордостью относится к своему колледжу и всем людям, принадлежащим к нему; на другие колледжи и других людей вы смотрите критическим

взглядом. Вы болеете за свои команды и экипажи; вы хотите, чтобы они победили всех своих соперников; вы встаете на чью-то сторону. Во всех этих действиях и предрассудках проявляется элементарная основа племенного духа. Каждую неделю сотни тысяч людей посещают футбольные или другие состязательные матчи, не столько для того, чтобы увидеть демонстрацию мастерства, сколько для того, чтобы увидеть победу своей стороны. Зрителями, когда они болеют, движет племенной дух. Если мы не принадлежим к крикетному графству, мы можем пойти так далеко, что возьмем его в качестве приемного родителя, чтобы реализовать наши племенные инстинкты, радуясь его успехам или падая духом от его неудач. Местная национальная политика дает нам много возможностей для реализации наших племенных инстинктов. В политике нам приходится принимать чью-то сторону; политическая партия - это племенная организация, использующая древние средства для того, чтобы добиться единства чувств среди своих членов. Церковь тоже предоставляет современным соплеменникам возможность реализовать свои наследственные импульсы; охота за ересью находит свой аналог в древнейших племенных общинах. Женщины даже в большей степени, чем мужчины, являются рабами своих племенных инстинктов; они так же подвержены веяниям моды, как их древние сестры были впечатлительны к движениям племенного духа. Местный дух, который является столь неотъемлемой чертой соотечественника, особенно в случае шотландца, ирландца и валлийца, - это еще одно, и часто очень сильное, проявление племенного духа. Мужчин из одной местности или района, когда они переезжают жить в чужие общины, объединяет клановое чувство - проявление унаследованных племенных инстинктов. В какую сторону ни повернись, среди современных народов можно найти бесчисленное множество племенных проявлений, которые не находят места для демонстрации в более интеллектуальных выставках национального духа.

В современной политике мы видим, как племенной дух стремится к определенным новым эффектам. Хотя в древности племенная граница обычно соответствовала территориальной, так было не всегда. Племенной дух достаточно силен, чтобы удерживать народ вместе даже при отсутствии территориальных границ. В современном массовом населении, как и в организации древней и современной Индии, племенной дух действует таким образом, чтобы создавать границы между классами граждан; профсоюзы по сути являются искусственными племенными организациями. Если бы не существование племенных инстинктов в унаследованной психической организации работников ручного труда, такие союзы были бы невозможны. Многие авторы считают, что классовые или секционные племенные организации действительно можно сделать такими, чтобы они пересекали национальные и даже расовые границы. Мы видели, однако, что при объявлении войны все эти секционные узы рвутся, ибо война - это спичка, которая разжигает племенной дух, возвышает его до национального пламени и уничтожает межплеменные расколы. Все мелкие проявления племенного духа меняются под влиянием войны; импульсы, которые в мирное время побуждали мужчин и женщин к играм и спорту, к партийной политике, к охоте за ересью - даже к демонстрации моды, - превращаются в патриотические желания и поступки.

Знание племенного и расового духа необходимо для государственных деятелей

Несколько современных государственных деятелей поняли, какую важную роль играет племенной дух в объединении действий современных наций. Я приведу только три примера, чтобы проиллюстрировать эту форму политической проницательности - Бисмарк, Линкольн и Ллойд Джорджа. Бисмарк использовал войну для пробуждения и объединения немецких

народов; трех кампаний было достаточно, чтобы поднять беспредельное чувство племенной уверенности и превосходства. Он дал Германской империи резко очерченную племенную границу; он намеренно окружил свою страну кольцом враждебности, верный своим племенным инстинктам. Племенная проблема Авраама Линкольна была другого рода. Условия, приведшие к Гражданской войне, касались освобождения рабов; но Линкольн превратил войну, когда она стала неизбежной, во внутриплеменную ссору. Он понимал, что опасность для Соединенных Штатов заключается в дезинтеграции, которая должна постоянно угрожать всем национальностям, образовавшимся из огромных масс населения. Поэтому Линкольн сделал главным вопросом войны право отдельного штата или конфедерации штатов на отделение от основного племени или союза. Гражданская война решила этот вопрос в пользу Севера: естественный процесс распада племен был объявлен незаконным. Задача Ллойда Джорджа была иного рода. Он затронул и разбудил спящие племенные инстинкты Британии с пронизательностью гения. Война дала ему такую возможность, но если бы он не знал, что племенные инстинкты лежат глубоко в эмоциональной природе человека и переплетены с его самыми примитивными чувствами, он не смог бы понять, как затронуть древние струны. Интеллектуальные призывы не смогли всколыхнуть примитивные и низменные племенные импульсы народа.

Проблема Ирландии

Однако была одна часть страны, где призыв Ллойда Джорджа не смог пробудить британский патриотизм; он оставил большую часть народа Ирландии не только апатичной, но даже более активно враждебной, чем раньше. А ведь их страна была неотъемлемой частью этих островов; их экономические интересы были в гораздо большей степени заинтересованы в успехе Британии, чем Германии. История проливает свет лишь на часть этой сложной проблемы; настоящая трудность, с которой пришлось столкнуться, уходит корнями в доисторические времена, к истокам врожденных, унаследованных и глубоко укоренившихся племенных инстинктов ирландского народа. Ирландский дух, как это часто бывало и раньше, всколыхнулся и стал проявлять племенной антагонизм, направленный против всего британского. Что же делать британскому государственному деятелю? У нас тоже есть племенные инстинкты, и их первый импульс при пробуждении - как это было в древние времена - встретить силу силой, вплоть до истребления. Такова древняя племенная практика; но в наши дни мы вступили в другую эпоху мировой истории, когда разумные усилия должны овладеть и направить наши унаследованные инстинкты. Государственные деятели знают, что насильственные средства, применяемые для того, чтобы погасить национальное пламя, лишь подпитывают его. Государственные деятели никогда не открывали и, я думаю, никогда не откроют метод принуждения или привития нового национального или племенного духа старому народу. Мы видели, что нация может колонизироваться только тогда, когда сила, побуждающая ее членов к миграции, возникает спонтанно внутри общин; колонизация, инициированная и проводимая правительством, всегда не выдерживает. Национализация - аналогичный процесс; силы, которые контролируют и направляют его, должны возникать в сердцах людей; их нельзя навязать им сверху. Все, что может сделать государственный деятель, - это создать условия, в которых благоприятный дух, скорее всего, разовьется и созреет. Он должен разумно сеять в течение многих лет и терпеливо ждать урожая - пусть даже через несколько поколений. Дружба Ирландии - это приз, ради которого стоит работать и ждать, даже если он обойдется Британии в изнурительное столетие терпеливого ухаживания.

СНОСКИ:

[1] Я более подробно рассматривал примитивную племенную организацию в работе "Некоторые факторы, влияющие на эволюцию человеческих рас", *Journ. Royal Anthropological Institute*, 1916, vol. 46, p. 10.